

УДК 81'39

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.33

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА В ПРОЦЕССЕ
РЕВЕРБАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА**

© Л. А. Киселева, Л. А. Сергеева*

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 231 27 50.***Email: sergeevala@list.ru*

Статья посвящена анализу образных номинаций в публицистическом тексте газеты. Авторы выдвигают положение о том, что языковой образ, возникающий в процессе деривации и трансформации прямых значений слов, базируется на метафоре, метонимии и сравнении. В связи с тем, что образы представляют собой архетипические репрезентации, анализируется этнокультурный компонент значений и рассматриваются отношения между знаками прямой и непрямой номинации. Доказывается, что интерпретация смысла, заключенного в образе, производится с привлечением двух типов знаний – семантических (знаний значений языковых единиц и фоновых знаний) и прагматических (главным образом пресуппозиций), которые обуславливают глубину интерпретации смысла текста.

Ключевые слова: *внутренняя форма слова, образ, архетип, значение, ассоциативные признаки, интерпретация, сравнение, метафора, метонимия, символ.*

В последнее время в лингвистике отмечается рост интереса к образным средствам языка, что само по себе не случайно, поскольку вторичные образные номинации дают возможность «увидеть» содержание мысли, а также выявить типичные способы смыслообразования, свойственные той или иной лингвокультуре.

В настоящей статье мы ставим задачу выявить основные закономерности ревербализации смысла, заключенного в образных выражениях. В связи с этим возникают два основных вопроса. Первый: каким образом мы производим интерпретацию смысла образных выражений, в т.ч. и «живых» метафор? Второй: в рамках каких когнитивных и семантических процессов она протекает? Предлагаемые ответы на эти вопросы получены нами в результате анализа образных номинаций, извлеченных из текстов газет «Аргументы и факты» (далее – АиФ) и «Аргументы недели» (далее – АН) с использованием методов компонентного и пресуппозитивного анализа, а также метода совмещения ментальных пространств.

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, рассмотрим некоторые важные для нас суждения об онтологии ментального образа, содержащиеся в психологических и лингвистических исследованиях. Так, основоположник отечественной теории психологии образа и один из первых его исследователей А. Н. Леонтьев связывал проблему онтологии образа с восприятием мира человеком. Ученый полагал, что при восприятии создаются образы предметов, которые включают их объективные свойства, открываемые «промышленностью, экспериментом, мышлением», а также «некоторые субъективные (модальные) свойства, которые обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств рецепирующих органов субъекта» [9, с. 259].

Принципиальным для нас стало также суждение о разграничении фактуры и формы образа. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что «фактура образа <...> неравнозначна самому образу <...>, становление образа <...> у человека есть его переход за пределы «непосредственно чувственной картинки» [9, с. 261]. Фактура образа «может свертываться, стусевываться, замешаться, не разрушая, не искажая предметности образа» [9, с. 253]. В частности, языковой образ может иметь различную фактуру. Он может создаваться фонетическими, графическими, электрическими средствами, но при этом, чтобы остаться неизменным, он должен сохранить свою форму: именно форма является способом существования образа, и любое, даже малейшее нарушение формы приводит к изменению заключенного в нем смысла. По отношению к языковому образу форма – это внутренняя форма слова или фразеологизма. Через внутреннюю форму своих единиц язык представляет чувственную ткань ментального образа и тем самым является средством его объективации.

В лингвистические исследования термин *образ* был введен А. А. Потебней, который рассматривал его в качестве составляющей внутренней стороны знака. Ученый подчеркивал, что при использовании образных средств языка происходит «преобразование мысли... посредством конкретного образа, выраженного в слове, <...> создание сравнительно обширного значения при помощи единичного сложного (в отличие от слова) ограниченного словесного образа (знака)» [14, с. 333]. Следовательно, образ предполагает интерпретацию, домысливание, обнаружение скрытых смыслов, появление которых получает различное объяснение.

Так, существует мнение, что образные номинации вызывают в сознании ассоциации, предпо-

деленные прямыми значениями мотивантов (В. Н. Телия, Е. М. Вольф, В. Г. Гак и др.): например, в оценочной метафоре *медведь* (о человеке) актуализируются признаки 'большой', 'грубый', 'неуклюжий', которые являются коннотативными признаками прямого значения слова *медведь*. Другие исследователи считают, что в процессе смыслообразования участвуют прямые и переносные значения всех слов, образующих образное выражение. Так, М. Блэк впервые рассмотрел структуру метафоры как наложение импликаций основного субъекта метафоры (метафоризируемого) – слова, употребляемого в прямом значении, и ее вспомогательного субъекта (метафоризатора, мотиванта), обозначенного словом в переносном значении [3]. Например, в образной метафоре *стекло льда* лед получает признаки 'гладкий', 'прозрачный', 'тонкий'. В приведенных употреблениях метафора основана на сравнении двух предметов, обладающих какими-либо общими признаками.

Вместе с тем в некоторых типах метафор внешнего сходства предметов не наблюдается. В частности, в диафоре основанием для сочетаемости слов является не внешнее сходство обозначаемых явлений, а сходство вызываемых ими эмоциональных состояний: *жалю сомнения (подозрения), душа ноет* и т.п. В сочетаниях с абстрактными именами или с глаголами вспомогательный субъект метафоры (гештальт) вообще является скрытым, «спрятанным в синтагматике метафорического имени» [24, с. 37], например: «*инвазия глупости*» [АН. 2020. №35. С. 6] (здесь и далее в примерах курсив наш. – Л.К, Л.С.); «*Как выросли выплаты на детей?*» [АиФ. 2020. №40. С. 10] и др. В приведенных примерах гештальт «выводится из буквального прочтения имени или глагола» [23, с. 301]. На наш взгляд, для его «выведения» требуются знания, умение проводить аналогии и делать умозаключения, поэтому более убедительной представляется когнитивная теория образности, согласно которой образный потенциал значений – это «более комплексный и разносторонний феномен, чем то, что обычно понимают под языковым образом или внутренней формой лексической единицы. В случае восприятия переносного значения речь идет не о квазивизуальных представлениях, а об операциях над знанием, которое наследуется образом и существует (часто в виде свернутых концептуальных структур) как его часть, что и позволяет говорить об образной составляющей значения» [5, с. 73–74; 17; 24 и др.].

Адекватность выбора когнитивного подхода к изучению образных средств языка находит подтверждение в работах зарубежных психологов второй половины XX в. Прежде всего следует отметить монографии о роли аналогии в мышлении [15; 20 и др.], в которых обобщаются результаты экспериментов, доказывающих способность человека осмысливать новую ситуацию по аналогии с уже известной, – способностью, проясняющую суть механизма мета-

форизации, прецедентности и перифрастических замен. Важную роль в понимании природы образа сыграли также исследования имеющихся в мозгу человека голограмм, позволяющих ему восстанавливать в памяти образ предмета или ситуации по отдельным его частям [15, с. 161–190; 20 и др.], в которых раскрывался герменевтический потенциал аллюзий, паронимов, окказиональных форм и других средств создания образности. Наконец, значительный вклад в изучение природы образа внесли труды по теории ментальных репрезентаций (концептов, фреймов, схем и др.) [21, с. 4] и имплицитности [26, с. 735–755], в которых получили освещение имплицитный потенциал значений языковых единиц и роль фоновых знаний в процессе понимания.

Знания, наследуемые образом и существующие в виде свернутых концептуальных структур, являются источником импликаций для так называемого коллективного образа (языковой метафоры), который вызывает привычные для носителя той или иной лингвокультуры устойчивые ассоциации. Например, во фразе «Теперь хотят повторить этот *трюк*» (высылку российских дипломатов из зарубежных посольств) [АН. 2020. №35. С. 2] происходит смена архисемы: 'прием' (в цирке) > 'покупок', при этом актуализируются ассоциативные семы 'отвлекающий внимание', 'скрывающий истинные намерения действующего лица'.

Для адекватной интерпретации смысла индивидуального образа, создаваемого креативным мышлением журналиста газеты, этих знаний недостаточно. В отличие от коллективного образа, основанного лишь на актуализации фоновых знаний и частотных ассоциаций, индивидуальный образ, или, по определению П. Рикера, «живая метафора» (в широком смысле этого слова), представляет собой категориальный сдвиг значения. Этот сдвиг вызван тем, что субъекту приписывается неожиданный, нелогичный атрибут, что заставляет читателя газеты задуматься над сдвигом в значении и его причинами, начать интерпретацию скрытого смысла, поскольку образ не объясняет, а всего лишь «демонстрирует» (подробнее см.: [7, с. 184; 16, с. 425–430 и др.]). Ниже мы остановимся на основных источниках смысла, означенного образными средствами языка в публицистическом тексте газеты, и способах его ревербализации (выведения).

Прежде всего, это семантические знания, дающие импликацию, под которой мы понимаем «тип мыслительных связей, основанный на отражении сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий вещей и признаков, который в общем виде можно представить в виде логической связки, обозначаемой в языке союзом *если – то...*» [11, с. 165]. Они включают, главным образом, знание значений языковых единиц, поскольку к смысловым приращениям могут приводить различные типы взаимодействия значений образного средства («скрытого» семантического предиката) и метафо-

ризируемого имени. В качестве примера приведем случай «склеивания» значений, т.е. «объединения в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий» [6, с. 27]. Так, в перифразе *бюрократическая гидра* (о чиновниках-бюрократах) [АиФ. 2011. №38. С. 6] происходит «склеивание» значений многозначного слова *бюрократический*: 1) прилаг. к *бюрократия* ‘Управление, при котором деятельность органов исполнительной власти излишне осложнена и направлена на обеспечение ведомственных интересов в ущерб интересам общества’ и 2) ‘Полный бюрократизма и формализма’ [12, с. 66].

С другой стороны, основное значение слова *гидра* ‘Многоголовая змея, у которой на месте отрубленных голов вырастают новые’ [12, с. 129] позволяет вывести следующие импликации:

- 1) ‘Змея коварна’ (коннотативный признак) > ‘бюрократы коварны’, т.к. «они откровенно насмеяются над простыми людьми» (из текста статьи);
- 2) ‘Если у змеи много голов, то это излишне’ > ‘чиновников больше, чем требуется’;
- 3) ‘Если на месте каждой отрубленной головы у змеи вырастают новые, то отрубить их невозможно’ > ‘попытки сокращения чиновников бесполезны’.

Аналогично знание значения фразеологизма *пускать под нож* ‘Убивать ножом’ в заголовке статьи «Начальник ОАК Слюсарь *пускает под нож* КБ им. С. В. Ильюшина» дает смыслы ‘уничтожать’ + ‘резать опытные образцы самолетов’ [АН. 2020. №35. С. 1].

Более глубокий смысл позволяют вывести фоновые знания, которые закреплены за языковыми выражениями в качестве устойчивых ассоциаций. Их наличие в языковом сознании объясняется тем, что «языковой образ как вариант экспликации, наряду с действенной формой – обрядом, коллективного ментального образа является нерасчлененным архаичным мировоззрением, отражающим рефлексию древнего сознания относительно внешнего мира...» [24, с. 87; см. также: 23, с. 240–241]. Они воспроизводятся в практике речевого общения людей в течение длительного времени и вместе образуют этнокультурную матрицу интерпретации, во многом обуславливая понимание смысла образного выражения.

Так, в заголовке «Православные корни коммунизма» [АН. 2020. №35. С. 10] существительное *корень* имеет переносное значение. Его прямое значение – ‘Подземная часть растения, служащая для укрепления его в почве и всасывания из нее воды и питательных веществ’ [12, с. 295]. В сочетании с абстрактными именами, как в приведенном выше примере, оно реализует символический смысл ‘истоки, начало’, который выводится логическим путем: ‘Если корень дает начало росту растений, являясь, таким образом, его истоком, то православие – исток коммунизма’. Метафора в данном случае является способом выражения символа – «предмета,

служащего условным обозначением какого-то образа, понятия, идеи» [19, с. 464], например, корень является предметом, который передает идею начала, истока. Ср. также: *корень зла* ‘Основа, источник, главная причина чего-л. неприятного, враждебного’ [22, Т. 1, с. 319]; *того же корня* ‘Кровные родственники’ [22, Т. 1, с. 320]. Эту же идею в славянских лингвокультурах выражают также слова *исток, источник* [10, с. 38], а в некоторых случаях – слово *зерно*, например: *зерно первосмысла* («живая» метафора внутренней формы В. В. Колесова), *зерно истины* и др.

Образ символа становится означающим некоего смысла, т.е., по сути, вторым означающим [24, с. 35]. Выбор обозначаемых языковыми знаками предмето-символов определяется культурными кодами. Код – это «структура выражения идеи сообщения в форме отбора однотипных изоморфных знаков вторичного семиозиса, обогащающих понятийное содержание идеи эмоциями, оценками и культурными коннотациями символически употребленных имен» [8, с. 67]. В частности, в приведенных примерах для выражения идеи начала, истока использован растительный код (подробнее о кодах см. [18, с. 49–56]).

В заголовке «Русские на ухабах истории» [АиФ. 2020. №47. С. 5] отражено мифологическое представление о жизненном пути народа (его истории) как о дороге. Дорога с выбоинами (ухабами) позволяет вывести имплицитный смысл ‘История русского народа – это трудное преодоление объективно возникающих препятствий’. Адекватная интерпретация символа возможна вследствие системного характера образного кодирования (ср. также заголовок статьи «Национальный тупик – 2020» [АН. 2020. №19. С. 6]).

К фоновым знаниям относится также знание фразеологии и различных речевых клише. Как правило, они имеют дискурсивную семантику и функционируют в трансформированном виде, что дает возможность журналисту «в образной форме представить абстрактные идеи, развернуть различные сценарии тех или иных событий, дать их авторскую оценку» [2, с. 117–118], ср. заголовки: «Где зарыто “золото”» [АиФ. 2020. №40. С. 4]; «Жульем поросло» [АиФ. 2020. №40. С. 8]; «Вперед и с пенсией» [АиФ. 2020. №40. С. 9] и др. Так, в заголовке «Где зарыто “золото”» перефразирован фразеологизм (*Вот где собака зарыта* в значении ‘Именно в этом суть дела, истинная причина, заключается главное’ [22, Т. 2, с. 260]). Статья раскрывает «секреты» работы фермера, получившего золотую медаль на Российской агропромышленной выставке. С одной стороны, здесь происходит отсылка к значению фразеологизма, которое полностью актуализируется в заголовке, а с другой – замена одного из компонентов фразеологизма номинацией медали вводит уточняющие семы: ‘истинная причина’ > ‘истинная причина успеха’ и ‘главное’ > ‘главное в работе земледельца’.

Наконец, значительную часть фоновых знаний составляют знания различных прецедентных текстов (литературных, фольклорных), а для публицистов и читателей газет – также текстов публичных выступлений и статей отдельных политиков.

Вернемся к анализу перифразы *бюрократическая гидра*. Фоновое знание о том, что Лернейская гидра была стоглавой, и о том, что на месте одной срубленной головы выростали две новые, позволяет уточнить выявленные прежде (основанные на языковом знании) смыслы и вывести новые импликации: ‘Бюрократический государственный аппарат слишком раздут’ и ‘Попытки его сокращения приводят не к уменьшению, а к увеличению числа чиновников’. Наконец, знание о том, что в свое время ее победил Геракл, по мнению журналиста, дает нам надежду на искоренение бюрократизма в будущем. Аналогично, знание текста стихотворения Вл. Высоцкого «Идет охота на волков, идет охота» дает представление о жестоком, циничном способе расправы застройщиков элитного жилья с посевами уникальной, не имеющей аналогов в мировой практике многолетней пшеницы, выведенной естественным путем российскими учеными (заголовок статьи «Идет охота на гектар, идет охота» [АН. 2020. №33. С. 9]).

Все перечисленные выше знания, вовлекаемые в интерпретацию образа, еще не являются исчерпывающим источником смысловых импликаций. Важную роль в этом процессе играют прагматические знания, прежде всего пресуппозиции – «имплицитные смыслы, являющиеся предпосылками, обусловленными житейским социальным опытом и текущими событиями повседневной жизни» [1, с. 211–212; 13, с. 360; 19, с. 311; 21, с. 65 и др.]. В отличие от фоновых знаний пресуппозиции не определяются лингвокультурой и не входят в языковое сознание. Они функционируют только в контексте ситуации и соотносятся с коммуникантами лишь в рамках определенной ситуации общения (см. также: [13, с. 360–366]), но вместе с тем именно они могут порождать глубинные смыслы. Так, например, в заголовке «Грузинские мандарины выбирают нашу страну» [АН. 2019. №49. С. 13] метонимия, которую избрал журналист при обозначении ситуации, дает ему возможность «оставить за кадром» участников события и не оценивать статус-кво, а предложить читателю самому осмыслить ситуацию в целом и оценить последствия названного события. В зависимости от знания положения дел (пресуппозиций) читатель может вывести следующие возможные смыслы:

1.* «Грузия решила поставить мандарины в Россию, а не в иную страну. У Грузии был выбор, поскольку использована лексема *выбирают* (смысл выводится на основе имеющихся у читателя семантических знаний).

2.* «Грузия отменила эмбарго на поставку товаров в Россию» (смысл выводится, если читатель знает об эмбарго, т.е. на основе пресуппозиций).

3.* «Это событие свидетельствует о новой фазе в развитии отношений между нашими странами» (если у читателя есть дополнительные сведения о ситуации).

Подведем итоги. Языковая образность – сложное и многоаспектное явление. Посредством языкового образа происходит значительное увеличение смыслового объема выражающего его слова – оно, по выражению основателя герменевтики П. Рикера, становится «больше себя самого». При этом происходит «структурная перестройка» его прямого значения, в результате чего рождаются новые смыслы. Однако перегруппировка и замена сем в значении не является единственным источником смысловых импликаций. Осмысление образа имеет различную глубину, которая обусловлена наличием в сознании журналиста и читателя общих знаний – не только языковых, но и неязыковых, а также способностью интерпретатора к инференции, его умением проводить аналогии и делать соответствующие выводы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта – Наука, 2009. 342 с.
2. Барышева А. И. Имплитность как свойство публицистического текста (на мат-ле языка газеты): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 204 с.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Наука, 1990. С. 153–172.
4. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2-х т. Т. 2. М.: Академия, 2006. 432 с.
5. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. №1. С. 71–93.
6. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
7. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб: ЮНА, 2002. 445 с.
8. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
9. Леонтьев А. Н. Психология образа // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
10. Небжеговска-Бартминьска С. Символические значения и система ценностей // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М.: Индик, 2015. С. 33–52.
11. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
13. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
14. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
15. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс, 1975. 463 с.
16. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
17. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 639 с.
18. Сергеева Л. А. Образная номинация и смысл // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: V междунар. конф. Уфа: БашГУ, 2005. С. 49–56.
19. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
20. Солсо Л. Р. Когнитивная психология. М.: Триволта, 1996. 608 с.
21. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997. Т. 2. 395 с.
23. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997. 320 с.
24. Шестак Л. А. Русская языковая личность: Коды образной вербализации тезауруса. Волгоград: Перемена, 203. 311 с.
25. Щирова И. А. О «правах» автора, читателя и текста // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. №2–3. С. 86–92.
26. Dienes Z., Perner J. A theory of implicit and explicit knowledge // Behavioral and Brain Sciences. 1999. №22(5). P. 735–755.

Поступила в редакцию 05.09.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.33

INTERPETATION OF IMAGE IN THE REVERBALIZING OF SENSE

© L. A. Kiseleva, L. A. Sergeeva*

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 231 27 50.

**Email: sergeeva@list.ru*

The authors of the paper study the image component of the figurative meanings that has not received wide attention in linguistics. The object of analysis is the relationship between direct and indirect names. Authors consider that the role of the image in derivational process and transformations of direct names is based on the action of metaphor, metonymy, and comparison. In this process some particular senses are kept. Interpretation of the sense containing in the associative image is based on two types of knowledge. The first type includes the semantic knowledge (knowledge of meanings). The second type is the non-linguistic knowledge (knowledge of ground, presuppositions etc.). Authors argue that polysemy can also arise from linguistic and non-linguistic knowledge of the world. The associative images play an important role in cognitive processes of re-verbalization of sense. The images belong to the archetypal representations that contain mapping of the world reflected in different cultures. They reflect human experience of cognizing the world. It is pointed out that it is necessary to refer to the ethno-cultural component of meanings of language units. The presence of archetypes of consciousness is noted. The textual analysis helps to reveal the conceptualization techniques in application to the referents of indirect names.

Keywords: associative images, figurative meaning, comparison, inner form, symbol sense, levels of representation, metaphor, metonymy, ethno-cultural associations, archetypes of consciousness.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Zhivoё slovo. Problemy funktsional'noi leksikologii ["Alive" word. Problems of functional lexicology]. Moscow: Flinta – Nauka, 2009.
2. Barysheva A. I. Implitsitnost' kak svoystvo publitsisticheskogo teksta (na mat-le yazyka gazety): diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2015.
3. Blek M. Metafora. Teoriya metafory. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 153–172.
4. Velichkovskii B. M. Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya. V 2-kh t. Vol. 2 [Cognitive science: Foundations of the psychology of cognition. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Akademiya, 2006.
5. Dobrovolskii D. O. Voprosy yazykoznaniiya. 1996. No. 1. Pp. 71–93.
6. Zaliznyak A. A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya [Polysemy in language and ways of its representation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006.
7. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova [Philosophy of the Russian word]. Saint Petersburg: YuNA, 2002.
8. Leontovich O. A. Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya [Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication]. M: Gnozis, 2005.
9. Leont'ev A. N. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya. Moscow: Pedagogika, 1983. Pp. 251–261.
10. Nebzhegovska-Bartmin'ska S. Kategoriya otsenki i sistema tsennosti v yazyke i kul'ture. Moscow: Indrik, 2015. Pp. 33–52.
11. Nikitin M. V. Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya [Foundations of the linguistic theory of meaning]. Moscow: Vysshaya shkola, 1988.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M: Azbukovnik, 1997.
13. Potapova R. K., Potapov V. V. Yazyk, rech', lichnost' [Language, speech, personality]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006.
14. Potebnya A. A. Estetika i poetika [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo, 1976.
15. Pribram K. Yazyki mozga. Eksperimental'nye paradoksy i printsipy neiropsikhologii [Languages of the brain. Experimental paradoxes and principles in neuropsychology]. Moscow: Progress, 1975.
16. Riker P. Teoriya metafory. Moscow: Progress, 1990. Pp. 416–434.
17. Ryabtseva N. K. Yazyk i estestvennyi intellekt [Language and natural intelligence]. Moscow: Academia, 2005.
18. Sergeeva L. A. Slavyanskie etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire: V mezhdunar. konf. Ufa: BashGU, 2005. Pp. 49–56.
19. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. 18 ed., stereotip. Moscow: Russkii yazyk, 1989.

20. Solso L. R. Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive psychology]. Moscow: Trivolta, 1996.
21. Fillmore Ch. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. No. 23. Moscow: Progress, 1988. Pp. 52–92.
22. Frazеologicheski slovar' russkogo literaturnogo yazyka. V 2-kh t. [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 volumes]. Comp. A. I. Fedorov. Moscow: Tsitadel', 1997. Vol. 2.
23. Cherneiko L. O. Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni [Linguophilosophical analysis of an abstract name]. M: MGU, 1997.
24. Shestak L. A. Russkaya yazykovaya lichnost': Kody obraznoi verbalizatsii tezaurlsa [Russian linguistic personality: Codes of figurative verbalization of the thesaurus]. Volgograd: Peremena, 2003.
25. Shchirova I. A. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. Tambov, 2004. No. 2–3. Pp. 86–92.
26. Dienes Z., Perner J. Behavioral and Brain Sciences. 1999. No. 22(5). Pp. 735–755.

Received 05.09.2020.